

Лемонье Камиль

Братья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К18

К18 **Камиль Л.**
Братъя / Лемонъе Камиль – М.: Книга по Требованию, 2023. – 132 с.

ISBN 978-5-519-93036-9

ISBN 978-5-519-93036-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БРАТЯ

I.

Ферма братьевъ Баракъ была расположена на перекресткѣ четырехъ проселочныхъ дорогъ.

На одной изъ нихъ стояло пять глиняныхъ, небѣленныхъ хатъ, на двухъ другихъ по одной такой же, а четвертая, совершенно пустынная вела къ засѣяннымъ полямъ. Эта деревушка казалась затерявшейся средь полей, огородовъ и луговъ; свѣтлый ручеекъ протекалъ по долину, и его именемъ называлось селеніе.

Эти восемь семействъ дружно жили между собой и имѣли сношенія лишь съ ближайшимъ селомъ. Одинъ изъ этихъ домовъ былъ кабакъ—двѣ скамьи у входа, три въ самой хатѣ, и столько же карточныхъ столовъ. Сюда приходили по воскресеньямъ крестьяне съ дѣтьми и женами.

Домъ семьи Баракъ былъ расположенъ нѣсколько иначе остальныхъ. Его окна выходили на поля, а съ дороги видны были лишь два узкія слуховыя окна, замазанные глиной, чтобы нельзя было заглянуть внутрь дома. Во дворѣ находились хлѣвъ

для овиней, сарай и конюшня. Въ углу у дороги красовалась навозная лужа.

Въ этомъ домѣ было двѣ двери и три окна, заклеенныя бумагой вмѣсто стеколъ, со сломанными ставнями.

Одна дверь вела въ вымощенную кирпичемъ комнату, съ высокой печкой и кривымъ потолкомъ; изъ этой комнаты видна была другая, служившая спальней двумъ братьямъ Баракъ. Вторая дверь вела на гумно.

Старый домъ былъ выстроенъ старикомъ Баракъ, два года передъ смертью; его сыновья жили тамъ, не обращая вниманія на то, что онъ приходилъ въ упадокъ. Уже восемь лѣтъ не бѣлили они его, и глина во многихъ мѣстахъ отпала. Одинъ разъ они были принуждены взяться за работу, когда буря снесла часть соломенной крыши; они заполнили пустое мѣсто черепицей, и крыша вышла неровной, образуя у фасада навѣсъ, не дававшій просохнуть передней стѣнѣ. Даже лѣтомъ пахло болотомъ, и всюду виднѣлась плѣсень.

Старшему брату, Нолю, было сорокъ шесть лѣтъ; Бальтазару, котораго обыкновенно звали Бальтъ, около сорока, а Бастіану, или Басту, тридцать шесть; всѣ трое были холостяки и жили вмѣстѣ.

Бальтъ и Бастъ были худы, какъ спички; Бальтъ—широкоплечій, нервный, съ огромными руками; Бастъ еле держался на тонкихъ ногахъ, горбился при ходьбѣ, а у Ноля страшно опухали голова и ноги изъ за вѣчной сырости въ домѣ.

Характеры ихъ были различны. Бальтъ—вспыльчивый, жестокій, страшно дикій; Бастъ—наоборотъ, лицомѣрный, скрытный, унижался передъ всѣми, а за спиной ста-

рался повредить каждому. Онъ страдалъ ужаснымъ кашлемъ, и во время припадковъ долженъ былъ опираться на мебель, заборы, съ искаженнымъ лицомъ и горящими щеками.

Бастъ всегда устремлялъ въ сторону свои болѣзненные, мутные голубые глаза; у Бальта они блестѣли изъ подъ густыхъ сѣдоватыхъ бровей, а шанкръ уничтожилъ часть носа. Что касается Ноля, то это было странное созданіе, наполовину животное, наполовину человѣкъ: маленькій, коренастый, безъ рѣсницъ, съ надутыми щеками, и голымъ черепомъ, виднѣвшимся изъ подъ парика его отца.

Ноль былъ идіотъ. Онъ подражалъ хрюканью свиней, дрался съ ними, ловилъ и глоталъ мухъ, ощипывалъ перья у живыхъ птицъ. У него была манія всюду мести, и это подметаніе длилось часами, въ то время какъ Бальтъ и Бастъ неукротимо работали въ полѣ, пахали, сѣяли, удобряли навозомъ землю; зимой же они собирали въ лѣсу сучья или сухіе листья и пасли свиней. Тогда они запирали домъ, боясь идіота, и тотъ цѣлый день мерзъ на улицѣ, грызя сухой хлѣбъ, кости, овощи или жалуюсь, плача, какъ ребенокъ. Когда же становилось очень холодно, они оставались дома, сидѣли у печки, плели ивовыя корзины или строгали деревянные башмаки, которые потомъ продавали въ деревняхъ. Ноль днемъ мелъ снѣгъ послѣ бурана, воду послѣ дождя, или сухіе листья, когда дулъ вѣтеръ, а ночью спалъ въ конюшнѣ на трехъ доскахъ.

II.

Баракъ не имѣли лошади и сами удобряли землю, впрягались въ плугъ, тащили борону, и въ концѣ концовъ стали походить на животныхъ. Бастъ работалъ безъ усталости, толкая телѣжку и перевоза на себѣ въ городъ такія тяжести, подъ которыми упалъ бы и быкъ.

У нихъ было три курицы, собака, стерегущая домъ, корова и, смотря по году, три или четыре свиньи.

Во время полевой горячки они работали всю недѣлю съ ранней зари до полуночи, и отдыхали лишь въ воскресенье, въ день, посвященный Господу Богу; тогда они вставали немного позже, одѣвались, и, одинъ за другимъ, рѣдко вмѣстѣ, шли въ церковь; потомъ, съ трубкой во рту, заложивъ руки въ карманъ, долго гуляли по своему полю, отбрасывая ногой камни, разминая землю, любуясь полными колосьями и спѣлымъ картофелемъ, ловя птицъ, клевавшихъ сѣмена; домой возвращались они утруемые, безпокойные, разбитые этимъ днемъ отдыха.

Они рѣдко разговаривали между собой; въ хатѣ раздавались лишь звуки шаговъ, стукъ топора или шелестъ ивовыхъ прутьевъ, прерывистое дыханіе Балъта изъ за его шанкра, и припадки кашля Баста.

Жизнь ихъ сложилась такимъ образомъ съ перваго же дня, и они другой не желали, ненавидѣли сосѣдей, весь свѣтъ, женитьбу, съ одинаковой оскаредностью любили деньги, и жертвовали ради нихъ даже здоровьемъ. Утромъ пили кофе—чистый

цикорій, въ полдень хлебали гущу съ полбеннымъ хлѣбомъ безъ масла, вечеромъ довольствовались печеными картошками, къ которымъ, разъ въ недѣлю, прибавляли кусокъ свиного сала. Пиво они пили только въ воскресенье въ кабакъ. Такъ старѣли они, вѣчно голодные, съ дрожащими отъ лихорадки членами, отъ ложной бѣдности.

Они спали на тюфякѣ, набитомъ сухими листьями, покрываясь порванными одѣялами и дрожа даже ночью отъ холода.

А между тѣмъ, у Баракъ былъ достатокъ. Имъ принадлежалъ домъ съ лугомъ, нѣсколько полей; они каждый годъ продавали свой картофель, овесъ, пшеницу, корову, одну или двухъ свиней; и далеко спрятанныя сбереженія все росли. Крестьяне увѣряли, что они могли бы выстроить ферму, держать слугъ, имѣть больше жизненныхъ удобствъ. Въмѣсто этого, они влачили такое существованіе въ нищетѣ, грязи и смрадѣ, какъ волки въ берлогѣ.

III.

31-го октября 1867 года, наканунѣ дня всѣхъ Святыхъ, три брата Баракъ грѣлись у печки.

Вальтъ молча курилъ, а Бастъ, держа руки у огня, грѣлся, охая и кашляя; Ноль неподвижно и глупо смотрѣлъ своими лишенными рѣсницъ, глазами на холодющія головешки. И какое то уединеніе чувствовалось въ комнатѣ, напоминающее одиночество кладбища.

Было десять минутъ девятаго; Баракъ ожидали половины, чтобы лечь спать.

На Баста и Бальта вліяла близость дня всѣхъ Святыхъ, предвѣстника тяжелаго времени для крестьянъ, и они почему то не могли пойти спать. Свѣтящіеся въ другихъ окнахъ огоньки указывали на такое же состояніе другихъ семействъ. Смутныя мечты бродили у братьевъ, изобильный урожай, большія суммы денегъ. Идіотъ храпѣлъ, уткнувъ голову въ колѣни.

Вдругъ собака тревожно залаяла, во дворѣ послышались шаги и звукъ веселой пѣсни.

Потомъ постучали.

Они вздрогнули. Бастъ подумалъ о мертвецахъ, выходящихъ изъ могилъ и похолодѣлъ.

— Кто тамъ? закричалъ Бальтъ.

Голосъ отвѣтилъ:

— Откройте! Это я, Эйнь!

Бальтъ что то проворчалъ, всталъ, открылъ дверь, и въ комнату вошелъ человѣкъ двадцати шести лѣтъ, веселый, пьяный, въ новой широкой одеждѣ.

Это былъ дальній родственникъ, Эйнь Захтъ, мельничный рабочій. Онъ весь промокъ отъ дождя, но глаза его блестѣли и движенія были неувѣренны.

— Новости! сказалъ онъ. Я только что изъ города и по дорогѣ заходилъ во всѣ кабаки. Да, Эйнь выпилъ, но у него есть на что! У Эйна есть деньги!

Онъ повалился на стулъ, помѣшалъ огонь и осмотрѣлся кругомъ съ самоувѣренностью недавно разбогатѣвшихъ людей.

— Бѣдно же у васъ, товарищи... Но Эйнь доволенъ! У Эйна есть деньги! Подлейте

масла въ лампу, чтобы онъ могъ васъ лучше видѣть.

Бальтъ отрицательно покачалъ головой, пожимая плечами. Мельникъ не замѣтилъ этого, ослѣпленный своимъ счастьемъ. Онъ разказалъ имъ, что задержался и, увидя огонь въ ихъ окнахъ, зашелъ погрѣться. Онъ, казалось, особенно безпокоился за свою одежду, и каждую минуту что то ощупывалъ въ карманѣ. Въ концѣ концовъ воскликнулъ: .

— Ну да, я выигралъ на мой выигрышный билетъ 20000 франковъ; они тутъ, у меня въ карманѣ. Я знаю, что вамъ можно все сказать, но ужъ вы молчите. Ни слова! Не хватало, чтобы меня обобрали!

Онъ расхохотался.

— Обокрасть Эйна! Ну нѣтъ, онъ взялъ съ собой хорошаго сторожа!

И онъ вытащилъ огромный, наточенный ножъ.

IV.

Оба Баракъ приблизились. Человѣкъ, обладавшій такою суммой, представлялъ для нихъ значительный интересъ. Бастъ наклонился, какъ бы желая заглянуть въ его карманъ. Оба молчали. Бастъ улыбался, а Бальтъ глубокомысленно смотрѣлъ на него, какъ бы обдумывая что-то.

— Ну, Эйпъ, сказалъ онъ, выпьемъ вмѣстѣ, разъ ужъ на то пошло.

Онъ вынулъ изъ шкафа бутылку старой можжевелевой водки и наполнилъ стаканы. Бастъ совершенно безсознательно подложилъ дровъ въ печку и подлилъ масла въ лампу.

Взволнованный мельникъ, разсказалъ свои планы о покупкѣ собственной мельницы и сталъ упрекать ихъ въ скупости.

— Это вамъ, старымъ скрягамъ, нравится наполнять тюфяки деньгами. Я хочу жениться; и попляшемъ же мы тогда!

— Да! сказалъ Бастъ, опустивъ глаза, вы молоды!

Эйнъ что то говорилъ, но братья его не слушали. Они погрузились въ молчаливыя думы, избѣгая смотрѣть на него, но понимая другъ друга.

Средь своей хвастливой рѣчи, мельникъ спохватился о судьбѣ 500-франковаго билета, размѣненнаго въ магазинѣ готоваго платья. Онъ вынулъ изъ кармана платокъ съ завязанными узелками, развязалъ ихъ, показалъ бумажникъ, завернутый въ газетную бумагу, и сталъ съ трудомъ считать находившіяся въ немъ пачки денегъ.

— Разъ, двѣ, три... разъ, двѣ, три, четыре... Я не люблю бумажныхъ денегъ, хотя онѣ и удобнѣе... пять, шесть, семь...

Онъ все считалъ, а шелковистыя бумажки валялись разбросанныя на столѣ... Бальтъ курилъ, любуясь этимъ сокровищемъ, и спокойно сказалъ Эйну:

— Теперь, когда я вижу деньги, я вамъ вѣрю.

У поблѣднѣвшаго Баста дрожали руки и стучали зубы. Онъ все улыбался, не находя словъ и не спуская взора съ денегъ.

Оба приблизились къ столу, привлеченные видомъ цѣнныхъ бумагъ; Бастъ, протирая руки впередъ, Бальтъ, машинально перебирая огромные пальцы.

И вдругъ, какъ подъ дѣйствіемъ пружины, эти ужасные пальцы со страшной силой вонзились въ шею Эйна, сжимали ее,